

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В детстве я очень любила фильм «Морозко», смотрела его раз пять, выучила наизусть. Утренний сеанс в кинотеатре, билет стоит десять копеек, в зале народу немного, и кажется, что фильм крутят лично для меня. Медленно гаснет свет, идут начальные кадры — сладкое предвкушение встречи с кумиром, с веселым божеством.

Главная героиня Настенька в исполнении Натальи Седых меня не трогала. Красивая, конечно, но ее писклявый голос — ненатуральный, будто притворяется замученной неженкой. Главный герой, Иван, смазлив, напыщен и трафаретен. Выпрыгнул из иллюстрации к русским народным сказкам и так и остался картонкой ходячей. Марфушенька-душенька в исполнении Инны Чуриковой неподражаема, как и Баба-Яга — Георгий Милляр. Но они отрицательные персонажи. У Морозко, то есть у Деда Мороза, великолепные наряды, и он жутко справедливый. Однако Дед Мороз — он всеобщий, для всех детей. Мне, Саше Калинкиной, он в Новый год положит подарок под елочку и помчится дальше, у него этих елочек миллионы.

Когда вышел фильм, в 1965-м, мне было семь лет, и в Деда Мороза я уже не верила, подарки бабушка, мама с папой покупают — это понятно.

И в то же время отчасти верила или надеялась на его, Деда Мороза, существование. В детстве с иллюзиями и младенческими привычками расстаются не быстро. У нас в первом классе, например, многие ребята в минуты волнения на уроке сосали пальцы. Я в том числе. Большой палец правой руки. А Витька Самохин — указательный левой почему-то, Лена Афанасьева четыре (кроме большого) в рот пихала.

Моим кумиром в «Морозко» был Старичок-Боровичок, лесной волшебник. Маленький, добренький, смешливый, веселый, с огромной грибной шляпкой на голове. В руках веточки с бубенцами. Он веточками стукнет — дзын-дзынь: «Иванушка-а-а!» Играл в прятки с заносчивым красавцем. Потом наколдовал ему медвежью голову, за хорошее поведение вернул человеческую и, к моей досаде, больше не появлялся в фильме.

Затрудняюсь подобрать слово, описывающее мое отношение к Старичку-Боровичку. Лесной колдунчик превратился в существо, используя современную лексику, виртуальное, которое стало для меня защитником и... звучит богохульственно, но — объектом молитв.

Родители велели доделать домашнее задание, съесть ужин, который в тарелке на столе в кухне, помыться и лечь спать. Мол, я уже большая, а они уходят в гости. Бабушка, как назло, уехала к своей двоюродной сестре, которой сто лет в обед, обед был в прошлом веке. «Пока не похороню, не приеду». К моим бы похоронам успела!

Квартира, давно изученная до каждой трещины в половых досках, становится жутким замком, где сейчас из *маминой из спальни* выкатится гроб на семи колесах, полетят черные простыни с кровавым пятном, клая челюстями, из шкафов станут вываливаться скелеты. Я дрожу под одеялом, я сейчас насакаю в постель, хотя минуту назад с пулеметной скоростью бегала в туалет и обратно.

— Старичок-Боровичок! Мне страшно!

Дзынь-дзынь — машет он веточками:

— Ой, потешливая ты девица, Саша! Всех скелетов я давно разогнал, гробы на семи колесах поехали в починку, а на черных простынях кровавые пятна не видны. Пусть полетают? Не хочешь? Так я их в пыль рассею. А ты спи. Сказку рассказать? Или сама сочинишь, я послушаю.

Я придумываю сказку, в которой главные герои мои друзья, а Женя Уколов, абсолютный фаворит у девочек, вдруг обнаруживает во мне неземные прелести. Провожает до дома, несет мой портфель. Мы вместе ходим на каток, в кино, в парк на аттракционы. Женя занимает мне рядом с собой место в актовом зале (в спортзале, превращенном в актовый по случаю выступления детского театра). Девочки хотят пристроиться к Жене, он не позволяет: «Это для Саши Калинкиной!» Блаженство! Я засыпаю со счастливой улыбкой.

Конец четвертого класса. Я долго болела. Злостная ангина с осложнениями на суставы, вдруг опухшими, и на сердце, перестук которого не нравится врачам. Четыре месяца по больницам, операция по удалению гланд. В это время мои одноклассники ре-

шали задачки на движение (из пункта «А» в пункт «Б» выехал поезд, побежал спортсмен; они еще и навстречу друг другу носились) и про бассейны со шлангами (влилось — вылилось). Я же благостно читала замечательные книжки. Как горло перестало болеть, наступила благодать. Родители пачками носили мне книжки. Медсестры кривились недоверчиво: «Ты их читаешь или глотаешь?» Одна сестричка провидчески накаркала: «Будешь так много читать, станешь толстой». Кассандра в белом халате и с клистирной трубкой! Папа устал носиться по детским библиотекам Москвы, в которые я была записана, получать и сдавать книги, купил у букинистов собрание сочинений Вальтера Скотта:

— Читай рыцарские романы! Закончатся, принесу «Капитал» Карла Маркса.

— И мандарины? — спросила я.

Напуганные моей болезнью, вероятно, сильно истратившись, влезая в долги, родители покупали мне мандарины и гранаты. В марте и апреле! Другим сказать, не поверят. Какой дурак поверит, что мандарины бывают не только в новогодних подарках, а гранаты не только в качестве экзотического презента, привезенного приятелем родителей из Грузии? Благодаря южным фруктам, которыми делилась, конечно, с соседками по палате, я пользовалась в больнице несправедным авторитетом девочки из жутко богатой семьи.

Вальтер Скотт был проглочен и совершенно не сохранился в памяти. Потому что ранее в стопку книг из районной детской библиотеки затесался «Дневник Кости Рябцева» Николая Огнева.

Книга меня потрясла, взорвала мои хлипкие девичьи мозги. Какие уж тут «Айвенго», «Роб Рой»

и чистая романтическая любовь? Эхо взрыва не проходило долго, да и сейчас раскаты слышны. Книга Огнева умная, честная, очень откровенная — про подростков-школьников. Динамит — это сквозная линия чувств подростка. Невероятной силы тяга к девочкам, страдания, муки, борения, самобичевания, конфликт низкого доступного и возвышенно-мечтательного. Косте Рябцеву было пятнадцать лет, а мне тогда двенадцать. Наши мальчишки гораздо бóльшую тягу испытывали к футболу, чем к девочкам. Когда в команде не хватало игроков, могли взять вратарем. И если ты пропускала мяч, то весь двор слышал, как тебя обзывают, списывая на тебя собственное мазилово. Но ведь в каждом дворе есть приятели, или в однокласснике, даже в Жене Уколове, прячется Костя Рябцев. И всех их влечет или повлечет к нам, девочкам, со страшной силой. Надо дожидаться и подготовиться. Как именно подготовиться, когда Женю Уколова повлечет, — вот в чем вопрос. Чтобы прямым курсом — ко мне.

А вдруг и с девочками то же самое происходит? Это будет тихий ужас, и к нему тем более нужно быть готовой.

Я однажды присутствовала при разговоре мамы с приятельницей, у которой дочь готовилась к поступлению в консерваторию.

Приятельница жаловалась:

— Я ей говорю, что надо заниматься по восемь часов в день, а ты в облаках витаешь, когда судьба решается. Она мне кивает в ответ понуро: «Да, мама. Я понимаю, мама». Я ей: «Зайка, мы с папой все для тебя сделаем! Скажи, чего тебе хочется?» Она поднимает глаза и бормочет: «Целоваться».

Моя мама рассмеялась, и я решила, что это шутка. Взрослые часто смеются над непонятными анекдотами.

Теперь эта история предстала в совершенно ином свете. Ведь это ужасно, когда постоянно целоваться хочется!

Из больницы меня выписали аккуратно перед экзаменами. Тогда сдавали — за начальную школу, с переводом в среднюю. Я бы все влет сдала... кроме арифметики.

— Старичок-Боровичок! Помоги!

— Чего ж тебе?

— Письменный экзамен по арифметике. А я ни бум-бум. Здравствуй, дерево!

— Какое дерево? Береза или дуб, осина?

— Порода дерева ни... при... чем! Задачи на движение и бассейны. Я их не решу! То есть потом разберусь, летом — обещаю! Мне так стыдно будет! Саша Калинкина! Была круглой отличницей, а стала неуспевающей? Это позорно! Тем более что вместо решения задач я вела дневник. Скучнейший получился! Потому что у меня не наблюдается зова плоти, а писать про уколы и лекарства, про больничную жизнь не интересно.

— От меня-то чего желаешь? — спросил Боровичок. — Ускорить зов плоти?

— Нет, что ты! Чтоб у меня раньше, чем у Жени Уколова? Вложи мне в голову недостающие знания.

— Не могу, сам есть неграмотный. Хочешь, на экзамене у учительницы рога станут расти?

— У Марии Сергеевны? — ужасаюсь я. — Ни в коем случае!

— Жаль, — поскущел старенький проказник. — Вот потеха: я бы поднатужился, и у всей школы, кроме тебя, — он поднял руки с растопыренными пальцами и показал, как забавно на головах учеников и педагогического коллектива ветвились бы рога.

Фантазия колдуна (она же моя собственная) не всегда отличалась человеколюбием.

— Лучше, — попросила я, — посади меня рядом с Фридманом или с Женей Уколовым. Они по математике самые сильные. И чтобы они дали списать. Ах! Все напрасно! У сидящих рядом за партой разные варианты, списывать бессмысленно.

Дзынь-дзынь — щелкнул веточками Старичок-Боровичок.

Двадцать минут от начала экзамена, я таращусь на условия первой задачи, в которой два велосипедиста рванули навстречу друг другу с разницей в полчаса, и скорость их была известна, также общий путь, требовалось определить координаты встречи. Вторая задача не проще. В цистерну заливали бензин, потом откачивали... сколько осталось, если известно время залива и откачки... Чтоб им взорваться, этим цистернам!

— Калинкина! — вдруг велела учительница. — Пересядь за парту к Уколову.

Женя сидел один, уже все решил, локтем двинул ко мне тетрадь и принялся сосредоточенно в черновике рисовать фигурки безумных человечков.

Я передирала решение задач с удовольствием и азартом, уж теперь могу сказать — единственным

испытанным за всю жизнь, — с удовольствием во-ришки. И ранее, и позже мне не привелось что-то тырить, воровать, брать чужое. Хотя выпало цитировать без сносок на источники.

За экзамен, несмотря на копирование верных решений, я получила трояк и была переведена в шестой класс. Этот трояк мне дороже золотой медали, с которой я окончила школу. Потому что незаслуженная оценка — либо акт милосердия Марии Сергеевны, которая закрыла глаза на одинаковые варианты, либо колдовство. То и другое восхитительно.

На летних каникулах с помощью папы я разобралась в отношениях «скорость-расстояние-время», с вытекающими бассейнами и цистернами, перерешала все задачи, что пропустила. Я любила математику. Не так, как литературу, но любила. Нормальный человек должен преклоняться перед царицей наук. Как перед творением великого зодчего. Сам ты построить грандиозный дворец не можешь, но поклониться гениальному архитектору обязан.

Вероятно, человеку, ребенку особенно, надо на кого-то уповать, кого-то просить, верить в чье-то могущество и способность управлять твоей судьбой. Конечно, есть мама. Потерять ее — страшнее страшного. Но все-таки мама не всемогуща. Потому, что спит в соседней комнате, а не на небе почивает, и неумоимо прививает тебе хорошие манеры. Назначение божества не воспитывать тебя, а исполнять желания.

Во времена моего детства в нашей семье никто в Бога не верил. Москва была утыкана сохранивши-

мися церквями — как историческими свидетельствами предрассудков предков. Бабушка иногда обращалась к Матери Небесной, Царице Небесной.

Как я это слышала? «Царица Небесная, не дай моей внучке из-за гланд сердцем пострадать!» Как я могла представить Царицу Небесную? Снежной королевой из одноименного фильма. Такую допросишься! Если бы не Герда, Кай превратился бы в айсберг. Плышет этот айсберг, таранит советское научно-исследовательское судно, ученые сыплются за борт как тараканы, которых моя мама изгоняет из кухонных шкафчиков с помощью аэрозольного баллончика.

У меня всегда была буйная фантазия. С годами я сумела эту фантазию пинками и тычками загнать под плинтус. Периодически фантазия пыталась вырваться, пускала тонкие ростки. Слабые, хилые, бледно-зеленые, тянущиеся к свету. Жалко вырывать, но надо. Как сорняки. Побегі вредной травы тоже бывают симпатичными, однако не дают произрастать полезным растениям.

Мой единственный сын Данька. Ему лет восемь было? Может, шесть, не вспомнить. Корежится. Тоскует. То ластится, то огрызается. На вопрос: «Что случилось?» — отмахивается с досадой: «Нормально у меня все!» Детские тайны крепче государственно-шпионских.

Я возьми и скажи Даньке:

— Когда тебе плохо и ты ищешь помощи, но ее не может оказать тебе никто из живущих и очень-очень любящих тебя, надо просить того, кому доверяешь, того, кто не в взаправдашней жизни.

Через некоторое время у Даньки ушли из глаз тоска и отчаяние. Я не могла удержаться. Кто у сына ангел-хранитель? Точно не Старичок-Боровичок. На видеомагнитофон несколько раз ставила кассету с «Морозко». Старичка-Боровичка сын не заметил. Ему очень понравились ожившие коряги и разбойники, чьи палицы Иван пулял в небо.

Подруга Лена в это время была увлечена английской диетой. У Лены два ребенка, а у меня один. У Лены все научно, а у меня безалаберно.

Утром ребенок должен съесть порцию овсяной каши, которая обволакивает желудок и защищает. Я вяло отбивалась: чего там обволакивать и защищать, поди, не гвоздями питаемся, не соляной кислотой запиваем. Лена настаивала: «Ты, Саша, мать! Хорошая мать по утрам кормит ребенка овсянкой. Посмотри, как она чудно называется! «Геркулес» на пачке написано. Ты не хочешь, чтобы твой сын был Геркулесом?» Я хотела, конечно, чтобы Данька внешне походил на героя мифов. Но Авгиевы конюшни чистить?

— Две уже проглотил, — пихаю в рот сыну ложку за завтраком. — Надо! Тетя Лена сказала. Осталось пять. Рот открой! Что значит, сама ешь? Я уже вышла из овсяночного возраста, я терпеть не могу эти сопли тягучие. Открывай рот! А то я не буду хорошей матерью, а ты Геркулесом. Не смей поджимать губы! Чтобы не опоздать на первый урок, тебе надо через десять минут выскакивать. Опоздаешь — меня снова в школу вызовут. Данечка, скажи мне, сыночек. Рот открой, проглоти и скажи. Ты кого из героев просишь, когда очень-очень надо?

— Разных, — давится ненавистной кашей сын. — Раньше Чебурашку, иногда Терминатора, в смысле Шварценеггера, Сталлоне, а бывает, что дедушку Ленина.

— В хорошенькую компанию Владимир Ильич попал, — говорю я, соскребая остатки каши с тарелки и толкая в рот сыну. — Даня!!! — воплю я.

— Что???

— У тебя сегодня лыжи по физкультуре!

— Точно! Ботинки на антресолях. А где сами лыжи?

— На балконе? За столом с бабушкиными консервами?

— Я за стремянкой и на антресоли. Ты — на балкон! — командует Даня.

Когда твой малолетний сын командует здраво, по-мужски — это благодать подчинения. Мол, вырастила руководящую личность.

Когда та же личность находит нужным через несколько дней возвратиться к теме предшествующего разговора и признается, что всех своих «засыпательных» кумиров он обязательно просит: «Только чтобы всегда мама была!» — ты испытываешь... не полет счастья, напротив, погружение. В нирвану, в бочку с медом, в невесомые цветные облака. И когда ты слышишь от сына слова, оправдывающие твою пропадающую молодость, потерянную в его болезнях, а потом в его немотивированных капризах и взрывах бешенства — понимаешь, что не напрасно. Что твоя жизнь удалась, как бы там ни злословили про Сашу Калинкину, которая подавала *такие* надежды, но безобразно растолстела и превратилась в клушу.